

10 02 20 СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10 02 20 COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL AND
CORRELATIVE LINGUISTICS

УДК 4

ББК 80

**ЭКВОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ЗООНИМА С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ
«БАРАН/ОВЦА» В ПЛАНЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ**

*Абдуалиева Зумрад Умаркуловна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Таджикского государственного
университета права, бизнеса и политики
(Таджикистан, Худжанд)*

**EQUONIMICAL RELATIONS OF
ZOOONYMS "SHEEP (HE) / SHEEP (SHE)"
WITH GENERAL MEANING IN THE
ASPECT OF FUNCTIONAL-SEMANTIC
MICROSYSTEM**

*Abdualiyeva Zumrad Umarkulovna,
candidate of philological sciences,
Associate Professor of the Russian Language
department under the Tajik State University
of Law, Business and Politics
(Tajikistan, Khujand)*

Ключевые слова: эквоним, зоонимы, значение терминов, родо-видовые понятия, гипонимы, гиперонимы, формирование структуры, функционально-семантические микро-системы

В данной статье рассматривается ряд научных работ, посвящённых изучению зоонимов и их классификации в семантическом отношении. Зоонимы рассматриваются для установления степени взаимообогащения лексических единиц в функционально-семантическом плане. Здесь установлен категориальный статус понятия «эквоним», что даёт возможность выявить арсенал средств выражения эквонимической лексики в плане межъязыкового изоморфизма и алломорфизма. Также при рассмотрении научных работ советских, российских и узбекских лингвистов и на основании языкового материала удалось обнаружить межъязыковую общность исследуемого пласта лексики, установить роль системных семантических отношений в формировании структуры эквонимии зоонима общим с значением «баран/овца» в исследуемых языках и все его родо-видовые отношения, выражаемые различными терминами, а также употребление данного зоонима в составе фразеологических единиц (ФЕ), пословиц и поговорок.

Key words: *equonym, zooonym, meanings of terms, gender-species notions, hyponyms, hypernyms, formations of structure, functional-semantic microsystems*

The article under consideration dwells on a number of scientific works dealing with the study of zooonyms and their classification in semantic respect; the latter serve for an establishment of the degree of enrichment in regard to lexical units in functional-semantic plane. Here there is determined a categorical status of the notion of «equonym» that enables to elicit the arsenal of means of expression in reference to equonimical vocabulary in the aspect of interlinguistic isomorphism and allomorphism. The author canvasses the functional-semantic microsystem with the general meaning of «sheep (he) / sheep (she)» and all gender-aspectual relations expressed

by different terms; a usage of the zoonym in question in the composition of PhUs, proverbs and sayings in correlation being in the author's view as well.

Зоонимия – это родовидовая часть лексического состава языка, которая достаточно ярко и самобытно выделяется в самостоятельную область и может быть изучена в сравнении с другими языковыми областями, например с ботанимией, соманимией и другими, а также, в сопоставительном плане, - с зоонимией другого языка.

Практически зоонимия – это не только набор определённых лексических единиц языка, отличающихся определённой спецификой плана выражения и плана содержания (формы и значения), но и – что весьма существенно – она даёт материал и перспективу для общепилологического исследования.

Узуальная и окказиональная зоонимия широко используется и в спонтанной бытовой речи, и в литературе всех жанров. Нет сомнений, что для достаточно глубокого овладения русским и узбекским языками знание их зоонимии, как практическое, так и теоретическое, является необходимым.

Родоначальником научной зоологии по праву считается древнегреческий учёный Аристотель (384-322 гг. до н.э.). Он описал 454 вида животных и первым сделал попытку создать их систематику. Аристотель ввёл в научное обращение понятия вида и рода, хотя и не в современном значении этих терминов.

Начало современной научной классификации зоонимов положил выдающийся шведский естествоиспытатель Карл Линней (1707-1778). Он предложил назвать каждый вид двумя латинскими словами. Первое имя из них - родовое, второе – видовое. Например: *заяц трусливый* и *заяц европейский*. Русские имена звучат иначе и отличаются от латинских по смыслу: *заяц беляк* и *заяц русак*. По его утверждению, в разных языках, даже в языках разных групп и семей, слова со сходным значением проходят сложную семасиологическую историю значений групп слов, принадлежащих одной и той же сфере.

Один из известных специалистов по классической филологии, профессор Московского университета М.М. Покровский считал, что «история слов одной и той же среды в разных языках более или менее одинакова» [1, с. 92]. По словам М.М. Покровского, «для удачного разъяснения истории значения слов, связанных с животным миром, необходимо выйти за пределы науки о языках: многое выяснится при наглядном знакомстве или хотя бы при помощи иллюстрации со специальными дополнениями или объяснениями на специализированной терминологии». [1, с. 121].

Например, термины животноводства в тюркских языках издавна были предметом внимания многих исследователей. Такие общетипичные слова, как *корова-сигир*, *бык-инэк /инек*, *табун/лошадь-угез/огуз йилқи*, *курдючная овца - қўй*, *скотина/добро-мал/мол*, *мул-хачир/качыр* и т.п., в этимологическом и семантическом плане подробно анализируются в книге К.М. Мусаева «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» [2, с. 63].

Профессор Б. Бафоев свидетельствует о том, что в произведениях Алишера Навои употреблены 337 слов, которые относятся к названиям животного мира. Из них 76 слов являются названиями животных, 71 слово – названиями скота и, наконец, слова, относящиеся к терминам отрасли скотоводства; 94 слова – названия птиц; 9 слов – названия пресмыкающихся; 48 слов – названия диких и хищных животных; 41 слово – названия мелких животных и живых существ (тварей); 7 слов – названия животных, обитающих в воде; 12 слов - названия легендарных – мифологических животных [3, с. 91].

Исследование А. Ибрагимовой свидетельствует о том, что в произведении «Келурнаме» Мухаммеда Якуба Чинги (XVII в.) имеются специальные разделы (части), где

встречаются названия лошадей и вьючных животных, различных пород сокола и других ловчих птиц [4, с. 22].

Вопросами изучения названий животных занимались и учёные Востока XVII-XVIII веков, одним из них является Мухаммад Чингий. Он автор книги лексикографического характера «Келурнома», которая написана в 1659-1707 гг., во время царствования в Индии Мухаммадшаха Оламгира Абдулмузаффера Мухиддина. Книга носит характер идеографического словаря чагатайско-персидского языков. Он состоит из XV глав и 343 частей (фаслей). Последние IX глав книги Мухаммада Чингия посвящены изучению лексики современного ему языка. Эта лексика делится на 9 тематических групп. В 3-4 группах рассмотрены названия лошадей и их предметные принадлежности (3 гр.), а также названия птиц и связанные с ними слова – названия [5]. Названия животных встречаются и в произведениях Замахшари (1074-1144), одного из известных мыслителей средневекового Востока.

В монографии Б.Бафоева «История древних слов» [6, с.91] имеется специальная глава, в которой изучены слова - названия животного мира. Данная глава книги Б. Бафоева состоит из IV разделов. I раздел посвящён изучению названий животных в сфере скотоводства, II раздел – изучению названий хищных животных. В III разделе изучены названия пресмыкающихся, а в IV разделе - названия представителей птичьего мира.

В исследованиях по языку произведений А. Навои профессор Б. Бафоев отмечает, что в языке произведений А. Навои употреблено 76 слов-названий, которыми обозначен домашний скот, дикие крупнорогатые животные: бушу - олень, гов - корова, гавазн, гӯр, гӯрдав - лось, жадий, илки (йилки) - лошадь, инак (сигир) - корова, кийик - сайгак, олень, кура (хутик) - ослёнок, ланга- марал, нор - верблюд - самец, ноқа - верблюдица, от - лошадь, тоту, хар - осёл и др. Исследователь свидетельствует также о том, что в языке произведений Навои употреблено 71 слово, которое относится к животноводству; 94 слова использованы как названия птиц; 41 слово употреблено для обозначения названий мелких животных, происхождение которых связано с узбекским, таджикским и арабским языками. По свидетельству Б. Бафоева, в языке произведений поэта употреблены 7 слов для обозначения названий животных, которые обитают в воде (хут, сузгич, саман, наханг, балик/ балиғ /болик) [6, с. 50].

Российский учёный Р.Г. Ахметьянов изучает названия из сферы скотоводства и коневодства на материале языков тюркских народов и народов Среднего Поволжья [7, с.97]. Один из основных разделов его монографии «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья» посвящен анализу слов-названий отрасли животноводства, где рассматриваются татарские, башкирские, удмуртские эквиваленты русских названий: *петух- этэч, этэс, этэз, атась, аташ, атазь, кучат, кураз, хураз; телка/телёнок* от года до двух лет - *башмак, пошмак, пушмак, пашмак; свинья/поросёнок – дунгыз/чўчқа; курка – курке; овца – сарык/саулык; телёнок/ бычок – бузоқ; баран – қўй; козёл - тэкэ; бурёнка/корова- туғанэй; цыплёнок- чебек* и т. д.

Изучению зоонимов посвящено также немало исследований отечественных лингвистов. Так, в последние годы таджикскими лексикологами К.Т. Гафаровой, К.К. Шариповым, М.А. Юсуповой, Г.Ф. Саъдиевой и другими завершены работы по сопоставительному изучению зоонимов русского и английского, таджикского и немецкого [8, с. 8] и других языков. Кроме того, отдельный практический интерес для нас представляют исследования, в которых сделано сопоставление трёх разносистемных языков [9], какими являются рассматриваемые нами языковые системы. Все вышеперечисленные работы служат благодатной почвой для установления степени взаимообогащения рассмат-

риваемых нами лексических единиц узбекского и русского языков в функционально-семантическом плане.

Лексика языка как совокупность собственных внутренних систем состоит из многочисленных взаимосвязанных друг с другом лексико-семантических микросистем (лексико-семантических полей). Лексико-семантические микросистемы (поля), в свою очередь, являются своеобразной системой по отношению к другим лексико-семантическим микросистемам (микромикросистемам), в рамках которых рассматриваются эквонимы, синонимы и оппозитивы (т.е. антонимы и конверсивы) под общим названием «семантические микроструктуры».

Слова, функционирующие как названия отдельных понятий – эквонимов, составляют своеобразный пласт словарного состава русского и узбекского языков. Однако пока в области лингвистики не совсем изучена природа эквонимии из-за отсутствия специального исследования, посвященного рассмотрению данной важной разновидности семантической микроструктуры лексики. Краткие сведения об эквонимах помещены в работах М.В. Никитина, в которых это явление рассматривается в качестве одного из функционально-семантических членов парадигмы гиперонима.

Эквонимы определены как слова одного уровня обобщения при общем гиперониме, а гипероним – имя родового понятия [10, с. 94]. Имена видовых понятий по отношению к их общему гиперониму называются гипонимами, а по отношению друг к другу на одном и том же уровне обобщения – эквонимами. Отсюда следует вывод о том, что эквонимы - это гипонимы одного уровня обобщения, взятые в отношении друг к другу. Следует отметить, что гипонимы и эквонимы не всегда совпадают в полном смысле слова. Так, например, слова «лошадь», «слон», «лев», «тигр», «барс» и др. являются гипонимами по отношению к понятию «животное». Но между этими названиями отсутствуют отношения эквонимического характера.

Эквонимические отношения обнаруживаются между родовыми разновидностями понятий, перечисленных выше в качестве гипонимов. Так, например, узбекские слова «коза» (эчки), «баран» (қўй) и приведенные выше лексемы русского языка являются гипонимами, в функции их гиперонимов выступают понятия «домашние животные» (в русском), «уй ҳайвонлари» (в узбекском языке). В свою очередь, каждая из этих лексем может являться гиперонимом внутри соответствующего гиперонима. Здесь наблюдается иерархическое строение семантического плана гиперонима «домашние животные» // «уй ҳайвонлари».

Иерархическое строение этих конструкций объясняется тем, что словосочетания «домашние животные» в русском и «уй ҳайвонлари» в узбекском языках являются гиперонимами первой ступени, равными понятию «лексико-семантическое поле». Слова «коза» (эчки), «баран» (қўй) и другие представляются гиперонимами второй ступени, семантические объёмы которых состоят из рядов «коза, козёл, козлёнок» (= коза); «овца, баран, ягнёнок» (= овца) в русском языке, и «совлик, така, улок» (= эчки), «совлик, қўчқор, қўзи» (= қўй) в узбекском языке.

Эквонимические отношения зоонимов ярко проявляются в функционально-семантической микросистеме зоонимов типа животных. Эти зоонимы отражают семантические отношения иерархических значений, выражаемых различными терминами, которые в тексте и речи реализуют функцию поэтапного, взаимосвязанного противопоставления.

Каждое родовое название с общим значением определённого зоонима употребляется в составе определённых функционально-семантических микросистем (ФСМС) со значениями «овца», «домашняя коза», «осёл», «мул», «свинья» и др. Итак, понятие «овца»

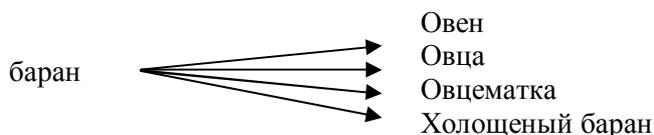
в узбекском языке выражается лексемой қўй. Слово қўй в узбекском языке является одним из названий млекопитающих парнокопытных домашних животных. Родовое значение слова қўй в современном узбекском языке передаётся при помощи словосочетаний *бичилган қўй, бичма қўчқор, совлиқ, қўзи, қўзичоқ, чори, тўхли* и др.

В письменных памятниках встречаются слова типа *боглан, роҳила* (др.-еврейск.), которые употреблены в значении «ягнёнок», «овечка». Об этом свидетельствуют данные словаря антропонимов, составленного А. Гафуровым и напечатанном в его книге «Лев и Кипарис». [11, с.74] Доминантным вариантом функционально-семантической микросистемы и её парадигматического ряда в узбекском языке выступает лексема қўй, а остальные слова являются её парадигматическими вариантами, в семантической структуре которых сема қўй является стержневой, господствующей семой. Каждая лексема, которая выступает в качестве семантического варианта обобщающей лексемы қўй, отличается от других наличием определённого признака (семы), который отсутствует в семантическом строении других семантических вариантов функционально-семантической микросистемы со значением «овца». По признаку естественного рода «мужской пол-женский пол (самец и самка)» названия со значением «баран/овца» состоят из двух групп: 1) *овен* – самец (мужской пол); 2) *овца* – самка (женский пол). К функционально – семантической микросистеме со значением овна-самца относятся: *бичма // бичилган қўй, қўчқор* – «холощенный баран». К функционально-семантической микросистеме со значением овцы – самки – *совлиқ* относится слово қўй – «овцематка».

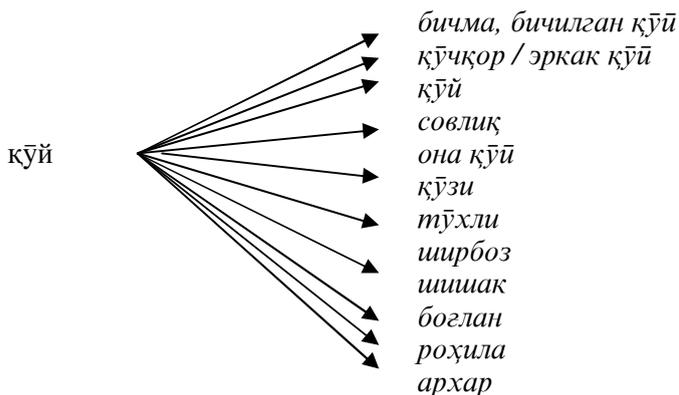
В значении «овца – самка» обычно употребляется само слово қўй. Семантическая структура слова қўй более сложна, чем семантические структуры других его вариантов, которые являются родовыми названиями по отношению к названию, которое употребляется в качестве видового. В семантическом строении слова қўй совмещены признаки гиперонима (как родовое название) и признаки гипонима (как видовое название) в значении «овца – самка».

В функционально-семантической микросистеме синхронно-синкретично совмещены взаимоотношения двоякого характера: 1) гиперо-гипонимические взаимоотношения; 2) эквонимические взаимоотношения.

Гиперо-гипонимические взаимоотношения в функционально- семантической микросистеме со значением «баран/овца» могут быть представлены в следующем виде:

Как свидетельствуют приведенные схемы, не все термины, обозначающие узбекские названия данной функционально-семантической микроструктуры, имеют соответствующие эквиваленты в русском языке, что свидетельствует о менее развитой структуре данной семы в составе русского языка.

При эквонимических взаимоотношениях место для лексемы *қўй* отсутствует. Эквонимические взаимоотношения – это взаимосвязь между гипонимами одной функционально – семантической микросистемы: *бичма // бичилган қўй – қўчқор // эркак қўй – совлиқ // она қўй – қўзи//тўхли //шишак//боглан//роҳила*. Эквонимические отношения обнаруживаются между семантическими вариантами, функционально-семантические планы которых являются равноправными, и этим они отличаются от взаимоотношений, характерных для взаимосвязи гиперонимов и гипонимов одной функционально-семантической микросистемы.

В лексикографических источниках встречается слово *архар* в значении «дикий баран», для обозначения самца-производителя употреблено слово *кулэна (кулан)*. [13, с.217]. Особые семантические отношения выражают эквонимы мужского пола (самец) функционально-семантической микросистемы с общим значением «*қўй*». Микросистема эквонимов лексемы *овен – «самец»* состоит из словарно-лексических единиц *бичилган қўй//бичма, ахта қўй, қўчқор*. В своей семантической структуре слово-обозначение овцы - молодняка является нейтрализованной семьей по признаку различия естественного рода «мужской пол - женский пол» (самец-самка), что однозначно наблюдалось в семантической структуре названий молодняка лошади.

Таким образом, референтами (денотатами) названия «ягнёнок» являются лексемы *қўзи//қўзичоқ, тўхли* - «годовалый ягнёнок», *шишак* - «овца от одного года до двух лет» (*боглан, роҳила, которқе* в современном узбекском языке не употребляются). Эти названия могут быть отнесены к названиям «овцы – самца» и «овцы – самки». Поэтому обозначения определённого пола молодняка овец выражаются синтаксическим способом, словосочетанием с участием в их составах слов, обозначающих их половое различие: *ургочи қўзи//қўзичоқ* - «ягнёнок-самка», *эркак қўзи//қўзичоқ* - «ягнёнок-самец», *эркак тўхли /ургочи тўхли* - «годовалый ягнёнок – самка», *эркак шишак /ургочи шишак* - «овен - самец от одного до двух лет/ овца – самка от одного года до двух лет» и т. д.

Следует отметить, что этимология слова *қўчқор* - «баран-производитель» привлекала внимание тюркологов. А.М. Щербак свидетельствует о том, что лексема *қўчқор* употребляется почти во всех тюркских языках в разных фонетических вариантах, встречается она также и в древних письменных памятниках. Полный вариант данной лексемы, как обнаруживается в диване Махмуда Кашгарского, имеет форму *кончигар*. Основной лексемы *қўчқор* выступает компонент *қоч, қош* со значением «пламенный» (*қоч қозу* - «пламенный ягнёнок»), который является основой ряда слов, имеющих значение «храбрый», «смелый», «напористый». [14, с. 82]

Для семантического развития лексем *қоч*, *қочқар* характерны незначительные сдвиги, заключающиеся в возможности наименования этими словами козла и самца дикого горного барана (например, в алтайском языке *куча*, *қочқор*). А.М. Щербак полагает, что второй элемент лексемы *қўчқор* имеет отношение к уменьшительно-ласкательному аффиксу. По нашему мнению, в современных тюркских языках, в том числе и в узбекском, у элемента – *қор* ослаблена сема, связанная с уменьшительно-ласкательным значением, так как в семантической структуре лексемы *қўчқор* в настоящее время сема «молодняк» как основной семантический признак отсутствует. Основным семантическим признаком семантической структуры лексемы *қўчқор* в настоящее время является сема «самец-производитель».

Функционально-семантическим эквивалентом лексемы *қўчқор* в русском языке является лексема *баран*, которая одновременно обозначает и название самца-производителя /овна. В узбекском языке в значении «упитанного, жирного ягнёнка трёх-четырёх месяцев» употребляется и слово *ширбоз*, словарный эквивалент которого отсутствует в русском языке.

Широкая употребительность названий зоонимов подтверждается наличием общенародных пословиц, поговорок и афоризмов, в составе которых употреблены названия зоонимов, на основе переносно – метафорических значений которых определяется содержание этих фольклорных произведений в русском и в узбекском языках.

Семантическая микросистема с общим значением «баран/овца» в русском и узбекском языках широко употребляется в составе фразеологических единиц (ФЕ), пословиц и поговорок. Словосочетания с зоонимическими компонентами в составе пословиц и ФЕ в готовом виде входят в состав национального языка и могут обозначать различные семы [9 с. 114]. Например, в русских пословицах с применением гиперонима «овца» можно выделить семы «стадо, толпа, народ»; в пословицах, где применен гипоним «баран» (по отношению к гиперониму «овца») можно наблюдать такие семы, как «упрямство, упорство, твердолобость» и т.д.:

- 1) *Владелец тысячи овец пришёл с делом к владельцу одной овцы;*
- 2) *Бело овца, серо овца, а все один овечий дух.*
- 3) *Баран бараном, а рога даром;*
- 4) *Баран по дворам, а овцы – по подворьям.*

Сопоставление семантических пространств разных языков, с одной стороны, позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего мира, а с другой стороны, выявить специфическое, национальное, а затем групповое и индивидуальное в построении концептов и их структурировании.

В русском языке одни и те же лексемы могут обозначать как положительные, так и отрицательные значения. Например, **положительные значения:** баран/овен - *упорство, целеустремленность, честолюбие*; козочка – *юная, игривая, интересная женщина*; пахать как лошадь/трудиться как вол – *трудиться до изнеможения*; здоровый как бык; сидеть тихо как мышонок; выносливый как верблюд и др.

Отрицательные значения: баран - *глупость, упрямство*; козёл – *предатель, подлец*; коза – *проныра, непоседа*; кобыла – *здоровая, рослая девушка/женщина*; жеребец - *дамский охотник*; осёл - *глупец, тугодум*; собака - *негодяй*; кот/кошка – *символ похоти*; мышь – *вредительница*; заячья душа – *трусливость* и многое другое.

Фразеологические единства не столь многочисленны, как сращения. Это объясняется тем, что тенденция к фразеологизации у подобных синтаксем чрезвычайно сильна, входящие в синтагму лексемы быстро нивелируются и превращаются в её компоненты.

Очевидно, не являются возможными варианты поговорки, синонимические замены компонентов, введение. Мы имеем в виду стилистический приём обыгрывания фразеологизмов в окказиональном порядке. Узуальным поговоркам тоже свойственна стилистическая подчёркнутость, часто фигуральность и образность. Образность не является лингвистическим элементом, это психологический феномен, что же касается языка – он предполагает такие его аналогии, как фигуральность, стилистическую подчёркнутость, логичность и, вследствие этого, характер мотивированности значения.

Резкой границы между логическими и алогическими поговорками нет и быть не может согласно их лингвистической природе, как это видно, например, из перечня немотивированных аналогичных поговорок, приведенных нами выше.

Таким образом, из произведенного семантического анализа семантической микросистемы с общим значением «баран/овца» в русском и узбекском языках видно, что в них использованы красочные образы и сравнения, они богаты иронией и тонкими наблюдениями. Весь этот лексический материал является богатством каждого и в частности сопоставляемых языков. Кроме стремления к большей красочности, замена образов обуславливается потребностями звучания: подбором слов, дающих необходимый для ритма ассонанс, аллитерацию, т.е. необходимые условия, которые способствуют широте употребления выражений и их переходу, становлению во фразеологический ряд.

Можем прийти к выводу, что семантическая микросистема с общим значением «баран/овца» в русском и узбекском языках трактуется по-разному. В узбекском языке лексико-семантическая микроструктура данного слова несколько шире, что, очевидно, связано с исторически сложившимся образом жизни узбекского народа, т.е. с экстралингвистическим фактором.

Всесторонний анализ лингвистических единиц сравниваемых языков возможен в том случае, если их изучение будет осуществляться на основе учета всей совокупности характерных черт: их обобщенного значения, морфологических свойств и характера лексического употребления. Другими словами, целостный анализ семантики, системы лексических норм и характера функционирования гарантирует выделение действительно существующих структурно-семантических разрядов слов, правильное отнесение каждого из них к определенной группе эквонимов.

Таким образом, рассмотрен ряд научных работ по истории зоонимии, системные отношения в указанной группе слов, также рассмотрены основные критерии выделения группы эквонимов в зоонимии русского и узбекского языков. Здесь установлен категориальный статус понятия «эквоним», что даёт возможность выявить арсенал средств выражения эквонимической лексики в плане межъязыкового изоморфизма и алломорфизма. Также при рассмотрении научных работ советских, российских и узбекских лингвистов и на основании языкового материала нам удалось обнаружить межъязыковую общность исследуемого пласта лексики, установить роль системных семантических отношений в формировании структуры эквонимии зоонима общим значением «баран/овца» в исследуемых языках.

Список использованной литературы:

1. Покровский М.М. *Несколько вопросов из области семасиологии*. - М.: Филологическое обозрение, 1959.
2. Мусаев К.М. *Лексика тюркских языков в сравнительном освещении*. - М., 1975. – 358 с.
3. Бафоев Б. *История древних слов (на узб. яз)*. - Тошкент: Фан. 1991, - 91с.
4. Бафоев Б. *Лексика произведений Алишера Навои*. АКД. - Ташкент, 1989. - 50 с.

5. Ибрагимова А. Исследование «Келурноме» Мухаммеда Якуба Чингия, АҚД. -Ташкент, 1976. -22 с.
6. Толковый словарь узбекского языка. В двух томах. –М., 1981.
7. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1984. – 237 с.
8. Шарипов К.К. Структурные и функционально-семантические особенности мифологической лексики в языках различных систем: автореф. дисс...канд.филол.наук/ Шарипов Комилжон Каримович, 10.02.20. - Душанбе, 2006. - 21с.
9. Гафарова К.Т. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с зоонимами и фитонимами в таджикском, немецком и русском языках: автореф. дисс...канд. филол. наук/Гафарова Кимматой Таваровна, 10.02.20. - Душанбе, 2007. – 24 с.
10. Никитин В.М. Основы лингвистической теории значения. – М: Высш. шк. 1988, 94 с.
11. Юнусалиев Б.М. Кыргызская лексикология. Часть 1. (Развитие корневых слов).- Фрунзе, 1969. - 244 с.
12. Гафуров А. Лев и Кипарис. – М., 1971. - 77 с.
13. Губогло М. Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1974. – 236 с.
14. Щербак А.М. Название домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961.- 173 с.

Reference Literature:

1. Pokrovsky M.M. Several Issues from the Branch of Semasiology. – М.: Philological Review, 1959. – pp. 92, 98, 102.
2. Musayev K.M. The Vocabulary of Turkic Languages in Comparative Elucidation. – М., 1975. – 358 p.
3. Bafojev B. The History of Ancient Words (in Uzbek). – Tashkent: Science. 1991. – 91 pp.
4. Bafojev B. The Vocabulary of Alisher Navoi's Works. Synopsis of the candidate dissertation. – Tashkent, 1989. – 50 pp.
5. Ibraghimova A. The Study of «Kelurnome» by Mukhammed Yakub Chinghi. Synopsis of the candidate dissertation. - Tashkent, 1976. – 22 pp.
6. Interpretation Dictionary of the Uzbek Language. In two volumes. – М., 1981.
7. Akhmetyanov R.G. Common Vocabulary of the Material Culture of the Peoples Inhabiting Middle Banks of the Volga-River (Povolzhye). – М.: Science, 1984. – 237 pp.
8. Sharipov K.K. Structural and Functional-Semantic Peculiarities of Mythological Vocabulary in Languages of Different Systems (Synopsis of the candidate dissertation). - Dushanbe, 2006. – 24 pp.
9. Gafarova K.T. Correlative Analysis of Phraseological Units with Zoonyms and Phytonyms in Tajik, German and Russian (Synopsis of the candidate dissertation). - Dushanbe, 2007. – 24 pp.
10. Nikitin V.M. The Grounds of the Linguistic Theory of Meaning. – М.: Higher School. 1988. – pp. 94 – 169.
11. Yunusaliyev B.M. Kyrgyz Lexicology. Part 1 (Development of Root Words). – Frunze, 1969. – p. 244.
12. Gafurov A. Lion and Cypress. – М., 1971.
13. Guboglo M. Gagauzian Terminology on Cattle-Breeding // Turkic Lexicology and Lexicography. – М.: Science. 1974. – pp. 217 – 236.
14. Shcherbak A.M. The Names of Domestic and Wild Animals in Turkic Languages // Historic Development of Basic Stocks of Words in Turkic Languages. – М., 1961. – pp. 82 – 173.